

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

А. В. Уткин

**«ОТ ПРАВИЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ
ДЕТЕЙ ЗАВИСИТ БЛАГОСОСТОЯНИЕ
ВСЕГО НАРОДА»:
К 385-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДЖОНА ЛОККА**

УДК 37(092)(091)

ББК 74.03(4 Вел)5-218

В Англии педагогические идеи Просвещения были развиты целой плеядой мыслителей. Творчество английского просветителя Джона Локка (1632–1704) оказало существенное влияние на развитие идей обучения и воспитания. Его подходы, предлагаемые способы решения проблем и выводы наложили отпечаток не только на философию следующих столетий, но нашли применение в педагогических системах многих стран мира.

Ключевые слова: педагогические идеи Просвещения; жизнь и деятельность Д. Локка; педагогические взгляды Д. Локка; «Мысли о воспитании».

A. V. Utkin

**«THE WELFARE OF THE WHOLE NATION DEPENDS
ON THE PROPER EDUCATION OF CHILDREN»:
BY THE 385-ANNIVERSARY
OF JOHN LOCKE'S BIRTHDAY**

In England, the pedagogical ideas of the Enlightenment were developed by a whole galaxy of thinkers. The work of the British educator John Locke (1632-1704) had a significant impact on the development of the ideas of training and education. His approaches, ways of solving problems and conclusions left their mark not only on the philosophy of the following centuries, but found application in educational systems of many countries.

Key words: pedagogical ideas of the Enlightenment; the life and work of J. Locke; pedagogical views of J. Locke; «Some Thoughts Concerning Education».

Просматривая учебники по истории педагогики (истории образования и педагогической мысли, истории зарубежного образования и педагогики), изданные в разное время и разными авторами, невольно обращаешь внимание на заметно повторяющуюся логику изложения материалов, посвященных педагогическим учениям, педагогике и школе Западной Европы Нового времени (XVII—XVIII вв.). Главы, посвященные педагогической мысли XVII века, начинаются материалами о Яне Амосе Коменском (1592—1670). Философ-гуманист, общественный деятель, ученый, сыгравший историческую роль в оформлении и развитии педагогики как относительно самостоятельной области научного знания, пытаясь выявить и систематизировать закономерности обучения и воспитания, обозначил ряд принципиально новых проблем развития личности и связанных с ними способов изменения образовательной практики.

За описанием педагогической системы Я. А. Коменского традиционно следует анализ педагогических взглядов английского просветителя, одного из самых влиятельных мыслителей Просвещения и теоретиков либерализма Джона Локка, чьи идеи оказали огромное влияние на развитие эпистемологии, политической философии и педагогики. В классической новоевропейской философии анализ знания (древнегреч. «episteme») обычно

осуществлялся в рамках общего учения о «человеческом разуме» великих философов — Декарта, Локка, Лейбница, Юма, Канта, — заложивших фундамент наших представлений о познании.

Рассматривая теоретическую систему Локка, И. Н. Нарский указывает на основной фактор, определяющий подход к изучению творческого наследия философа, отмечая, что он был «верным сыном своего века, и острые социальные противоречия, драматические коллизии в недавно начавшем свое развитие теоретическом естествознании, столкновение новаторских философских принципов с реликтами средневекового мирозерцания — все это нашло широкое отражение как в методологии его мышления, так и в достигнутых им теоретических результатах»¹.

Г. Б. Корнетов акцентирует внимание на особенностях философско-педагогических воззрений Д. Локка, отмечая, что «...утверждение нового представления о природе и обществе, связанного с мануфактурным производством и растущим общественным разделением труда, привело к становлению механистического мировоззрения, что способствовало распространению взгляда на человека как на продукт воспитания и обучения, признанию содержания человеческой психики результатом внешних воздействий. Этот подход обосновал Д. Локк, в отличие от Коменского,

¹ Локк Д. Сочинения в 3-т.: Т. I / Ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; Ред. I т., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. М.: Мысль. 1985. 621 с. С.3. (Философское наследие. Т. 93).

освободивший педагогическую теорию от теологической оболочки»¹.

Педагогические идеи Просвещения в Англии получили развитие в деятельности таких известнейших современников Д. Локка, как Джон Мильтон (поэт, политический деятель и мыслитель); Уильям Петти (статистик, демограф, один из основоположников классической политической экономии); Джон Беллерс (экономист и социальный реформатор), однако вклад Джона Локка в развитие идей воспитания и обучения трудно переоценить. В истории найдется немного примеров гармоничного синтеза философских и социально-политических воззрений с практическим педагогическим опытом, их экстраполяции и оформления в педагогическую концепцию.

Жизнь и деятельность Дж. Локка совпали с эпохой английской революции XVII века, эпохой коренных изменений в общественной жизни, обусловленных развитием буржуазных отношений. Это стало основанием для характеристики педагогических взглядов Дж. Локка в советской историографии с позиций «представителя новой буржуазии во всех ее формах... сына классового компромисса»². Подробный анализ педагогической теории Д. Локка с позиций марксистской педагогики был представлен А. Ф. Шабавой во вступительной

статье к изданию сборника его педагогических сочинений, в которой представлены: характеристика мировоззрения ученого; его политические убеждения и особенности философского учения; обоснование содержания, целей и организации процессов воспитания и обучения³.

Действительно, творческое наследие Дж. Локка масштабно и разнообразно по гуманитарным направлениям и кругу проблем, исследуемых философом. Среди его крупнейших работ философские трактаты, труды о религии и церкви, изыскания в области теории государства и права, истории политических течений, педагогики и психологии.

Дж. Локк родился 29 августа 1632 г. в маленьком городке Рингтон западной Англии в семье чиновника-юриста. Родители-пуритане воспитывали сына в атмосфере строгого соблюдения религиозных правил. Рекомендация влиятельного знакомого его отца помогла Локку в 1646 г. попасть в Вестминстерскую школу — самую престижную школу страны на то время, где он входил в число лучших учеников. С 1652 г. Джон продолжает образование в Крайст-Черч-колледже Оксфордского университета, где получает в 1656 г. степень бакалавра, а спустя еще три года — магистерскую степень⁴. С Оксфордским универ-

¹ Корнетов Г. Б. Педагогика: теория и история: Учебное пособие. 2-е изд., перераб., доп. — М.: АСОУ, 2008. 272 с. С. 205.

² Цит. по: Константинов Н. А. Очерки по истории педагогики. Сборник статей. М.: Изд-во АПН РСФСР. 1952. 756 с. С. 50.

³ Локк Д. Педагогические сочинения / пер. с англ. Ю. М. Давидсона; вступ. ст. А. Ф. Шабавой; под ред. проф. И. Ф. Свядковского. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР. 1939. 320 с. С. 3—66.

⁴ Джон Локк. Краткая биография URL: <http://worldofaphorism.ru/kratie-biografii/dzhon-lokk>

ситетом, где Дж. Локк преподавал в разные годы, связаны более 30 лет его жизни.

В колледже он начинает свою научную деятельность в качестве преподавателя греческого языка, философии и риторики. В этот период завязывается знакомство Дж. Локка с известным естествоиспытателем Робертом Бойлем. Совместно с ним Локк проводит метрологические наблюдения, глубоко изучает химию, серьезно изучает медицину и в 1668 году становится членом Лондонского королевского общества, а в следующем году входит в состав его Совета¹.

Джону Локку было 34 года, когда судьба свела его с лордом Эшли (впоследствии лорд-канцлер, первый граф Шефтсбери), неординарным человеком и политическим деятелем, в огромной степени повлиявшем на всю его дальнейшую биографию. Джон Локк оставляет преподавательскую деятельность и селится в имении лорда в качестве его друга, компаньона и личного врача. С 1667 г. Локк находится при нем в качестве домашнего врача и воспитателя его сына, позднее служит секретарем и при поддержке Шефтсбери начинает сам заниматься политикой, принимать участие в управлении, войдя в высшие политические и экономические круги страны.

С 1672 г. Локк начинает служить в высших правительственных учреждениях на престижных должностях, но в то же время его продвижение в мире

политики находится в прямой зависимости от того, какие успехи делает его покровитель. К тому же проблемы со здоровьем заставляют Дж. Локка провести во Франции период с конца 1675 г. до середины 1679 г., когда он возвращается к государственной службе.

Политические интриги и неудавшаяся попытка дворцового переворота заставляют лорда Эшли — лидера либеральной буржуазно-аристократической партии — спешно покинуть Англию, вслед за ним в 1683 г. был вынужден эмигрировать в Голландию и Джон Локк. В конце XVII — начале XVIII века в Англии происходят глобальные и крайне важные перемены, которые были вызваны приходом к власти короля Вильгельма III Оранского в результате «Славной революции» 1688 года².

Смена власти и лояльность новому правительству позволяют Дж. Локку в 1689 г. вернуться на родину. Философ охотно работает с новой администрацией и в течение некоторого времени занимает важные должности. Пост ответственного по делам торговли и колоний становится последней в карьере ученого. Болезнь легких заставляет его выйти в отставку, и с 1691 г. его местом жительства становится Отс, поместье Мешэм, принадлежавшее его знакомой, супруге члена парламента. В эти годы Локк не только находится на правительс-

¹ Чайка Юлия. Джон Локк: основные идеи. Джон Локк – английский философ URL: <http://fb.ru/article/158853/djon-lokk-osnovnyie-idei-djon-lokk-angliyskiy-filosof>.

² Джон Локк. Биография. URL: <http://www.wisdoms.ru/avt/b132.html>.

твенной службе, но и принимает участие в воспитании сына леди Мешэм, много сил отдает литературе и науке, заканчивает «Опыт о человеческом разуме», готовит к публикации задуманные ранее работы, среди которых «Два трактата о правлении», «Мысли о воспитании», «Разумность христианства». В 1700 г. Локк принимает решение уйти со всех занимаемых должностей; 28 октября 1704 г. его не стало¹.

Философ оставил большой архив, наглядно свидетельствующий о широте его интересов. Среди большого числа рукописей были два черновых наброска «Опыта о человеческом разуме», дополнения к «Опыту», дневники и разнообразные заметки, свыше 2500 писем².

Признавая разум высшей инстанцией, к которой человек прибегает, определяя свое поведение, Локк провозглашал возможность для каждого человека стать совершенным посредством упражнения врожденных способностей и сил. Вместе с тем, с точки зрения Локка, девять десятых людей становятся тем, что они есть, благодаря воспитанию. Главным для него оказывается воспитание, а не обучение, рассматриваемое Локком как вспомогательное средство, необходимое для формирования характера³.

Как отмечает Г. Б. Корнетов, «Локк — один из духовных отцов западного либерализма, автор принципа разделения властей, поборник идеи правового государства — рассматривал педагогическую проблематику сквозь призму идеалов гражданского равенства, справедливости, естественного закона социальных отношений, свободы»⁴.

В коротком письме Эдварду Кларку, датированном мартом 1690 г., Д. Локк кратко, тезисно определяет педагогическую позицию, ставшую лейтмотивом своего главного педагогического сочинения «Мысли о воспитании» (1693), представляющем — в 216 параграфах — квинтэссенцию идей автора о программе воспитания:

«Хорошее воспитание детей настолько является долгом и интересом родителей, и благополучие нации настолько зависит от него, что каждому бы следовало серьезно принимать его к сердцу и, тщательно исследовав и разработав, что советуют в данном случае каприз, обычай или разум, содействовать со своей стороны повсеместному осуществлению того способа воспитания молодежи с учетом различных условий их жизни, который всего легче, быстрее и вернее способен создать добродетельных, деятельных и способных людей в границах

¹ Там же.

² Локк Д. Избранные философские произведения: в 2-х тт. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1960. 736 с. С. 17.

³ Корнетов Г. Б. Педагогика: теория и история: Учебное пособие. 2-е изд., перераб., доп. — М.: АСОУ, 2008. 272 с. С. 206.

⁴ Корнетов Г. Б. История педагогики: Введение в курс «История образования и педагогической мысли»: Учебное пособие. 3-е изд. — М.: АСОУ, 2011. 260 с. С. 80. (Серия «Историко-педагогическое знание». Вып. 38.).

их различных призваний; хотя всего важнее учитывать призвание джентльмена. Ибо если люди этого ранга однажды поставлены воспитанием на верный путь, они быстро приведут в порядок все остальное»¹.

Изучение системы взглядов Д. Локка на значение воспитания позволяет сделать вывод о том, что целью создания педагогической системы является воспитание добродетели, а ее подсистемами (органически сочетающимися все элементы системы) — физическое воспитание, воспитание души (или нравственное воспитание) и формирование характера. Отдавая безусловный приоритет домашнему воспитанию над школьным, Локк считает, что родители в этой системе играют роль единственного разумного начала воспитания, на них возлагается особая ответственность, поэтому взаимоотношения родителей и детей выступают важнейшим фактором развития. В данной логике главными качествами и приемами работы воспитателя становятся благовоспитанность, хорошее «знание света» (широкий кругозор), умение объяснить и аргументировать свою точку зрения. Требования Д. Локка к нравственным качествам воспитателя крайне высоки: он должен быть для детей образцом добродетели, иметь огромный жизненный опыт, хорошо ориентироваться в мире знаний и нравственных ценностей. Среди основных средств нравственного воспитания: обучение

правилам и образованию привычек; пример взрослых как средство педагогического воздействия; развитая система поощрений, наград и наказаний в воспитании.

Нетривиальна точка зрения Локка на обучение. Он считает, что к обучению можно приступать только тогда, когда обеспечено развитие характера, когда ребенку привили основы нравственности и морали, развили добродетели и искоренили дурные начала.

Не отступая от традиций светского воспитания (верховая езда, фехтование, обучение танцам, физические упражнения), Д. Локк настаивает на практической направленности обучения, по сути, представив проект реального образования джентльмена, содержательную основу которого составляет изучение естественно-научных дисциплин. Помимо чтения и письма на родном языке, он считает необходимым изучение французского языка и латыни, а также арифметики, географии, хронологии, истории, геометрии, астрономии, законоведения, натурфилософии. Кроме того, у воспитанников должны быть развиты способности к самостоятельным суждениям и умозаключениям, что позволило бы им со временем сознательно выбрать интересующую их сферу деятельности, усвоить несколько ремесел. Он создает систему образования джентльмена, который, по его мнению, должен быть не столько утонченно красноречивым, ученым

¹ Локк Д. Педагогические сочинения / пер. с англ. Ю. М. Давидсона; вступ. ст. А. Ф. Шабаевой; под ред. проф. И. Ф. Свядковского. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР. 1939. 320 с. С. 70–71.

человеком, знающим классические тексты, сколько человеком, способным к жизни в деловом обществе, к разумному и прибыльному ведению дел, чье счастье есть результат дела его собственных рук¹.

Во второй трети XVII в. Локк был главным теоретическим авторитетом для всех европейских просветителей. Его подходы, предлагаемые способы решения проблем и выводы наложили отпечаток не только на философию последующего времени, но нашли применение в педагогических проектах Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, И. И. Бецкого и др.

Значение педагогического наследия Д. Локка в истории педагогической культуры непреходяще — каждое новое поколение исследователей, открывая работы Д. Локка, находит новые контексты, скрытые смыслы, интересные идеи, которые могут стать основой современных педагогических поисков. Читая Д. Локка, осознаешь, что развитие педагогического знания, рожденного в недрах философии и веками существовавшего как ее составная часть, определяется высочайшим уровнем философской рефлексии проблем образования, рефлексии особенно актуальной в настоящее время.

Список литературы

1. Джон Локк. Биография. URL: <http://www.wisdoms.ru/avt/b132.html> (дата обращения 12.02.2017).

2. Джон Локк. Краткая биография URL: <http://worldofaphorism.ru/kratie-biografii/dzhon-lokk> (дата обращения 23.04.2017).

3. Константинов, Н. А. Очерки по истории педагогики. Сборник статей / Н. А. Константинов. — М. : Изд-во АПН РСФСР, 1952. — 756 с.

4. Корнетов, Г. Б. История педагогики: Введение в курс «История образования и педагогической мысли»: Учебное пособие. / Г. Б. Корнетов. — 3-е изд. — М. : АСОУ, 2011. — 260 с. (Серия «Историко-педагогическое знание». Вып. 38.).

5. Корнетов, Г. Б. Педагогика: теория и история: Учебное пособие / Г. Б. Корнетов. — 2-е изд., перераб., доп. — М. : АСОУ, 2008. — 272 с.

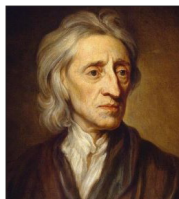
6. Локк, Д. Избранные философские произведения: в 2-х тт. / Д. Локк. — М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. — 736 с.

7. Локк, Д. Педагогические сочинения / Д. Локк ; пер. с англ. Ю. М. Давидсона; вступ. ст. А. Ф. Шабаевой; под ред. проф. И. Ф. Свядковского. — М. : Изд-во Наркомпроса РСФСР. 1939. — 320 с.

8. Локк, Д. Сочинения в 3-тт.: Т. I / Д. Локк ; ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; Ред. I т., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский; пер. с англ. А. Н. Савина. — М. : Мысль. 1985. — 621 с. (Философское наследие. Т.93).

9. Чайка Юлия. Джон Локк: основные идеи. Джон Локк — английский философ / Юлия Чайка. URL: <http://fb.ru/article/158853/djon-lokk-osnovnyie-idei-djon-lokk-angliyskiy-filosof> (дата обращения 15.05.2017).

¹ Корнетов Г. Б. История педагогики: Введение в курс «История образования и педагогической мысли»: Учебное пособие.3-е изд. М.: АСОУ, 2011. 260 с. С. 81. (Серия «Историко-педагогическое знание». Вып. 38.).

Д. Локк

ОБ УЧЕНИИ¹

Цель учения — знание, а цель знания — практика или передача знания другим. Правда, всякое усовершенствование в знании обычно сопровождается чувством удовольствия; но когда это чувство является единственной целью учения, последнее должно рассматриваться скорее как развлечение, чем серьезное дело: в этом случае оно должно быть отнесено к числу наших развлечений.

Сфера знания или познаваемых вещей так обширна, наша земная жизнь так коротка, а дверь, через которую знание вещей проникает в наш разум, так узка, что время всей нашей жизни должно быть признано слишком коротким, чтобы его могло хватить на ознакомление со всем тем, что, — я не скажу, мы в состоянии знать, — но, что нам не только подобает, но и весьма полезно знать. Я имею в виду необходимые вычеты на детский и старческий возраст, которые неспособны к большим достижениям, на физический отдых и неизбежные побочные дела, а для большинства случаев — также и на обычные занятия своей профессией, которыми человек не может пренебрегать, ибо иначе ему не на что было бы сущес-

твовать. Кто примет в соображение, сколько сомнений и затруднений осталось у большинства образованных людей после продолжительного и усердного занятия науками, сколько они оставили невыясненного в различных областях знания, с которыми они ознакомились, сколько есть еще других участков «постижимого мира» («*mundus intelligibilis*»), если можно так выразиться, в которых они ни разу и не побывали, тот легко признает эту непропорциональность между нашим временем и силами, с одной стороны, и грандиозностью задачи всеобъемлющего знания — с другой, — того знания, которое, если не является глазным делом нашей земной жизни, то все же столь необходимо для него и так с ним переплетается, что наши успехи в делах могут лишь немного опережать наши успехи в знании и без знания, по меньшей мере, ведут к незначительным результатам; ибо деятельность неосмысленная обыкновенно в лучшем случае является лишь потерянными трудом.

Поэтому нам следует упорядочить свое время и усовершенствовать свои способности в этом направлении настолько возможно лучше: так как

¹ Печ. по: Локк Д. Педагогические сочинения / пер. с англ. Ю. М. Давидсона; вступ. ст. А. Ф. Шабаевой; под ред. проф. И. Ф. Свядковского. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР. 1939. 320 с. С. 286–299.

нам предстоит отправиться в долгое путешествие, а дни столь коротки, — нужно пойти самым прямым путем. Ввиду этой цели, может быть, будет полезно отбросить некоторые вещи, которые могут нас запугать или, по меньшей мере, лежат в стороне от нашего пути.

1. Отбросить нужно, например, весь лабиринт слов и фраз, которые изобретались и применялись с единственной целью научить людей искусству диспутирования и забавляться им и, если всмотреться глубже, не содержат никакого смысла или содержат его очень мало; такого рода материалом, по мнению некоторых, слишком переполнены школьные логика, физика, этика, метафизика и богословие. Я убежден, что когда мы сохраняем различие терминов, не открывая различия в вещах; когда мы создаем словесное разнообразие или воображаем, что обогатили себя аргументацией в то время, как нисколько не подвинулись в реальном познании вещей, — то мы лишь наполняем свои головы пустыми звуками, которые хотя люди и относят их к сфере науки и знания, однако так же мало могут способствовать усовершенствованию нашего разума и укреплять наш ум, как мало шум, производимый шукой, может наполнить наши желудки и укрепить наше тело; а искусство жонглировать так называемыми «тонкими терминами» не полезнее умения ловко завязывать и развязывать узлы в паутине. Слова представляют ценность и приносят пользу лишь в том случае, если они являются знаками вещей; когда нет ничего, что бы соответствовало им в

действительности, они не больше, как нули; ибо вместо того, чтобы увеличивать ценность вещей, с которыми они сочетаются, они ее только уменьшают и приближают ее к нулю; когда слова не имеют ясного и отчетливого значения, они уподобляются бесполезным или плохо сделанным фигурам, лишь путающим нашу мысль.

2. Второй пример: стремление и желание знать, каковы были мнения других людей. Истина не нуждается в рекомендации, равно как и заблуждение не исправляется ею; в наших поисках знания нам в такой же мере не важно знать, что думали другие люди, как человеку, собирающемуся отправиться из Оксфорда в Лондон, неважно знать: какие школяры медленно передвигались пешком, разыскивая дорогу и осматривая по дороге местность; кто ездил в почтовой карете, положившись на проводника и не обращая внимания на дорогу, которой он едет; кто все время проехал в дилижансе в обществе других; где такой-то доктор пропал, сбившись с пути, или где другой доктор увяз в трясине. Если путник знает правильную дорогу, лишено всякого значения то обстоятельство, знает ли он бесконечные изгибы дороги, проселочные дороги и повороты, где другие сбивались с пути, — знание правильного пути предохранит его от ошибок, а в этом и заключается его главная задача. Так же, по моему мнению, обстоит дело при нашем путешествии через этот мир: человеческих фантазий бесконечно много даже у ученого, и история этих фантазий бесконечна. Одни, не зная, куда им идти, все-таки шли, просто шли и

только; другие следовали только за своей фантазией, принимая ее за истину; но подобное заблуждение может даже мудрейших из нас завести в непроходимые лабиринты. Интерес одних ослеплял, у других создавал предубеждения; и тем не менее они уверенно шли вперед и, сбиваясь с пути, в большинстве случаев, однако, думали, что находятся на правильном пути. Я говорю не с тем, чтобы недооценить тот свет, который мы получаем от других, и я не думаю отрицать, что от некоторых людей мы в своих поисках знания получаем сильную помощь: без книг мы, пожалуй, были бы так же невежественны, как индейцы, у которых души так же плохо одеты, как и их тела. Я только считаю праздным и бесполезным делом обязывать кого-либо изучать мысли других людей о вещах, в которых лишь разум может быть судьей, и с тою лишь целью, чтобы, собрав у себя запас чужих мыслей, иметь возможность цитировать их при всяком случае. Пусть это считают важным элементом образования, но для человека, который учитывает, как мало времени в его распоряжении и как много ему предстоит сделать, как много вещей ему предстоит изучить, сколько сомнений выяснить в области религии, сколько правил обосновать для себя в области морали, сколько ему нужно поработать над собою, чтобы овладеть своими непокорными желаниями и страстями, насколько ему необходимо обеспечить себя против тысячи могущих возникнуть случаев и случайностей и еще бесконечно больше вопросов выяснить в сфере его общего

призвания и специальной профессии, — я говорю, что для того, кто все это хорошо учитывает, не будет, как мне кажется, важным делом намеренно знакомиться с различными человеческими фантазиями, которые можно встретить даже в книгах, написанных на важные темы. Я не отрицаю, что, знакомясь с этими мнениями во всем их разнообразии, противоречиях и необычности, мы можем узнать о тщеславии и невежестве рода человеческого и что это соображение научит нас скромности и осторожности; но это, мне кажется, недостаточное еще основание для того, чтобы побудить нас намеренно заняться этим изучением: при наших исследованиях, направленных на более существенные вопросы, мы будем в достаточной мере сталкиваться с этой путаницей, которая познакомит нас со слабостью человеческого разума.

3. Чистота, отшлифованный стиль, точное и критическое знание иностранного языка (здесь, я думаю, нужно упомянуть о греческом и латинском языках, как и о французском и итальянском) и затрата большого количества времени на их изучение — все это может послужить к тому, чтобы выделить человека в обществе и доставить ему репутацию ученого. Но если этим все исчерпывается, это значит, по моему мнению, трудиться только ради внешности: в лучшем случае это означает заниматься изготовлением красивой одежды для облачения истины или лжи и сделать тех, кто тратит на это свое время, фешенебельными джентльменами, а не разумными и деловыми людьми.

Напротив, уметь хорошо говорить на своем родном языке дает много преимуществ, и на овладение этим искусством, при любой профессии, стоит затратить известные усилия; но хотя человек, использующий свое хорошее знание родного языка для честной жизни и превращающий это знание в орудие добродетели, и оказывается вдвойне приспособленным к тому, чтобы делать добро другим людям, тем не менее это искусство не должно в наших занятиях стоять на первом плане.

Когда я высказываюсь против того, чтобы затрачивать время и труд на теоретическое изучение языка, я имею в виду такое изучение, которое может сделать нас большими знатоками Пиндара и Персия, Геродота и Тацита; но я прошу всегда понимать меня в том смысле, что я делаю исключение для всякого изучения языков и критического углубления, которое могло бы помочь нам в понимании священных писаний: священные писания, исходящие непосредственно от источника истины, являются вечной основой истины, и все, что помогает нам понять их истинный смысл, вполне достойно наших трудов и нашего изучения.

4. Третья исключаемая мною область знания — это древность и история, если они предназначаются только для того, чтобы дать нам запас исторических рассказов и легенд. Ибо, пока речь идет только о том, чтобы научиться искусству правильной жизни и обогатить себя примерами мудрости и благоразумия, мы не должны отдавать ни малейшего предпочтения рассказам о Цезаре или Александре

перед историей Робина Гуда или Семи мудрых учителей. Я не отрицаю большой пользы и поучительности истории для человеческой жизни; но если изучать ее только с целью приобрести репутацию историка, то это весьма пустое дело; и тот, кто в состоянии рассказать все подробности, вычитанные из Геродота, Плутарха, Курциуса и Ливия, не находя для этого никакого другого применения, может остаться невежественным человеком, который, обладая хорошей памятью, в результате всех своих усилий только и набил свою голову рождественскими сказками. Но вот что еще хуже: пока значительнейшая часть истории составлена из рассказов о войнах и завоеваниях и манера повествования, особенно римской истории, такова, что выдвигает военную доблесть в качестве главной, если не единственной, человеческой добродетели, то мы рискуем тем, что общее направление и содержание истории увлечет нас с правильного пути; что мы начнем смотреть на Александра и Цезаря и на подобных им героев как на высшие примеры человеческого величия только потому, что каждый из них, опустошив значительную часть земли и перебив жителей ради того, чтобы самому владеть их странами, уничтожил сотни тысяч людей и еще большую массу подверг разорению; мы рискуем тем, что в резне и грабеже мы готовы будем видеть главные признаки и истинную сущность человеческого величия. И если гражданская история главным образом этим занимается и поэтому для множества читателей бесполезна, то еще меньше пользы в некоторых любопытных

и трудных вопросах, касающихся древности, вроде следующих: каковы были точные размеры Колосса? Какова была внешняя форма Капитолия? Каковы были церемонии греческой и римской свадьбы? Кто первый стал чеканить монеты? Я допускаю, что знание этих вопросов выделяет человека в обществе и особенно в среде ученого мира, но очень мало может подвинуть человека на его настоящем пути.

5. Далее я исключаю всякого рода тонкости, далекие от жизни, в бесполезные умозрительные суждения, вроде: где находился земной рай? Какой плод был запрещен? Где пребывала душа Лазаря, когда его тело было мертво? Какие тела будут у нас при воскресении из мертвых? И т. д. и т. д.

Если правильно определить место каждого из этих предметов, то принимающийся за учение будет сразу избавлен от значительной части работы. Я не хочу сказать, что эти предметы следует считать совершенно бесполезными, и время, затраченное на них, потерянным временем. Каждая из последних четырех перечисленных областей может оказаться содержательным и достойным занятием для отдельных лиц, которые могут с большой пользой для себя заняться изучением языков, истории или древности. Но я никак не могу согласиться с тем, чтобы слова, лишенные смысла, о которых я говорил в первой из перечисленных рубрик, заслуживали внимания и чтобы их стоило не то что читать, но даже знакомиться с ними. Я, конечно, признаю, что между всеми видами истины

и знания существует известная гармония, что они в известной мере взаимно друг друга подкрепляют и освещают; и никто не станет отрицать, что языки, критика, история и античность, чужие мнения и умозрения часто помогают выяснению и подтверждению весьма важных и полезных научных положений. Мое мнение поэтому вовсе не заключается в том, что человек, занимающийся науками, никогда не должен заглядывать в указанные области; все, на чем я настаиваю, сводится лишь к тому, что не они должны стать нашей главной целью или первой задачей и что к ним нужно подходить с некоторой осторожностью, так как мы располагаем лишь незначительным временем, поэтому нам необходимо весьма тщательно его экономить, то эти отрасли знания не должны стать ни первым по времени, ни важнейшим предметом нашего изучения; и от нас тем более требуется такая осторожность, что они в большой моде у писателей и составляют значительную часть внешнего покрова образованного человека и поэтому становятся ярким соблазном на пути учащегося, соблазном, который легко может свести его с правильного пути.

Если бы мне пришлось расположить в порядке отдельные элементы знания, закрепить за каждым из них его место и преимущество и, таким образом, направить чьи-либо занятия, то я считал бы, что естественный порядок должен быть следующий.

1. Ввиду большого значения и интереса, который представляет для нас небо, в такой же мере, конечно, важна и интересна для нас наука, могущая

нас ориентировать в нем, и изучение ее должно занять, без сомнения, первое и главнейшее место в нашем плане: но в чем именно заключается эта наука, на какие части она распадается, каковы методы и применения ее — все это заслуживает специального рассмотрения.

2. Следующая вещь, способствующая нашему счастью в другом мире, заключается в спокойном и успешном прохождении через этот земной мир; а это требует от нас разумного поведения и управления собою при различных обстоятельствах жизни. Поэтому наука о мудрости, как мне кажется, заслуживает того, чтобы занять второе место в наших планах и учебных занятиях. Можно, пожалуй, быть хорошим человеком (т. е. жить в вере и чистосердечии перед богом), обладая и небольшой мерой мудрости; но вовсе не имея ее, человек никогда не может быть ни внутренне очень счастлив, ни полезным для других; между тем и то и другое составляет задачу каждого человека.

3. Если тем, кому предки оставили большое состояние, позволительно не иметь специальной профессии для поддержания своей жизни, то в то же время верно и то, что, следуя божьему закону, они обязаны что-либо делать; на этом вопросе, который разумно и талантливо трактовался другими авторами, я не стану останавливаться, а перейду к тем, которые науку избрали своим профессиональным делом: эти люди, по моему мнению, должны непосредственный предмет своей профессии поставить на третье место в плане своего изучения.

Раз этот порядок установлен, то каждому нетрудно будет самому определить, какие языки, какие отделы истории и в каком именно объеме он должен изучить, сообразуясь со своим общим призванием и специальной профессией.

После того, как мы таким образом расчленили наше счастье на отдельные элементы, из которых каждый содержит в себе значительную меру его, нам, конечно, оставалось бы только приняться за неустанный труд, если бы обе составные части нашей личности не предписывали нам известную сдержанность. Ни тело, ни душа наша неспособны к непрерывному учению, и если мы не оценим правильно меру наших сил, то в своем старании сделать много мы ничего не сделаем.

Я склонен думать, что знание, которое мы приобретаем в этом мире, не выходит за пределы этой жизни. Спасительное прозрение в иную жизнь не нуждается в помощи этих тусклых сумерек; но, как бы то ни было, я уверен, что главная цель, ради которой мы должны приобретать знание здесь, заключается в использовании его ради благоденствия нашего и благоденствия других в здешнем мире. Если же, приобретая это знание, мы расстраиваем свое здоровье, мы трудимся ради вещи, которая будет бесполезна, когда мы ее достигнем; если, изнуряя свое тело (хотя и с намерением сделать себя более дельными людьми), мы теряем способность и возможность делать то хорошее дело, на которое мы способны при меньшем таланте, отпущенном нам богом, отказавшим нам в силе для такого усовершенствов-

вания этого таланта, которое доступно людям с более крепкой конституцией, то мы в значительной мере уменьшаем свое служение богу и лишаем своих близких всей той помощи, которую мы в здоровом состоянии, хотя бы с умеренными знаниями, способны были бы им оказать. Кто, перегружая свой корабль, хотя бы даже золотом, серебром и драгоценными камнями, пускает его ко дну, тот представит его хозяину плохой отчет о своем путешествии.

Мы, несомненно, должны считаться со своей природной телесной конституцией и силой, сообразуя интенсивность наших занятий с мерой нашего здоровья; и главный секрет здесь заключается в том, что эта пропорция должна быть сообразована не только с природной конституцией и силами каждого данного человека, но также следовать за изменениями конституции и сил, обстоятельств и здоровья каждого человека, приравниваясь к различным колебаниям здоровья или болезненного состояния тела, которое могут вызываться любой вещью, с которой наше тело вступает во взаимодействие. Поэтому трудно сказать, сколько часов в день человек должен регулярно отдавать занятиям, так же, как трудно сказать, сколько он должен есть каждый день мяса: об этом может судить только его собственное благоразумие, сообразующееся с данными условиями.

Хотя в данном случае регулярный ход наших часов не является и подходящим мерилем времени, а отдельные отрезки времени должны разграничиваться таинственными движениями

гораздо более любопытного механизма нашего тела, однако можно так устроить, чтобы из нашего времени ничего не терялось; ибо беседа с одаренным другом о прочитанном в это утро или на другую полезную тему может в такой же мере обогатить наш ум знаниями, притом с меньшим вредом для здоровья, чем упорное и серьезное корпение над книгой, которое мы обычно называем учением: хотя последнее и является необходимым способом усовершенствования разума, однако — я в том уверен — не единственным и не самым лучшим.

4. Необходимо весьма заботиться о том, чтобы учебные занятия не мешали сну: я убежден, что сон — великий бальзам жизни и данное природой средство восстановления сил; люди кабинетного умственного труда больше нуждаются в нем, чем прилежные работники физического труда, ибо профессиональная деятельность и физический труд последних, хотя и истощают их жизненные силы, однако одновременно вызывают испарину и способствуют удалению экскрементов, которые являются источником болезней; кабинетный же работник умственного труда, вовлекая в работу свои жизненные силы, растрчивает их в той же или еще большей мере, чем другие, но он не знает благодетельной испарины и допускает, чтобы болезнетворный субстрат накапливался в теле. Когда мы чувствуем какое-либо недомогание в голове или желудке, мы должны отложить свои книги и размышления в сторону, ибо занятия при таком состоянии причиняют большой вред телу и мало пользы приносят душе.

Во-первых, как тело, так и душа диктуют законы для наших занятий, т. е. для их продолжительности и непрерывности: как бы душа ни была вместительна и активна, она никогда не бывает способна вынести ни непрерывного труда, ни полного покоя. Умственный труд заключается в изучении или в напряжении мысли; и когда мы находим, что ум утомился, — от попытки усвоить мысли других людей, как при чтении, или от напряженного движения собственных мыслей, как при размышлении, — нужно дать ему передышку, дать ему притти в себя. Иногда размышление служит отдыхом при утомлении от чтения, и наоборот. Иногда перемена сферы, т. е. переход от одной темы или науки к другой, может возбудить дух и наполнить его свежей силой, иногда же его может в минуты вялости оживить беседа и положить конец усталости, не останавливая ни в малейшей степени его деятельности и даже скорее подвигая его вперед; иногда же дух так утомлен, что только полное облегчение может вызвать поворот. Всем указанным нужно пользоваться в соответствии с тем, что каждый находит для себя успешным в смысле наилучшей экономии своего времени и мысли.

Во-вторых, душа, как и тело, имеет свои симпатии и антипатии: она часто оказывает предпочтение одной науке перед другой. Хорошо, если человек вполне господствует над своими влечениями; и иногда ему приходится делать попытки к такому господству, пытаться привести свою душу в порядок и заставить ее подчиняться. Но, как правило, лучше следовать влече-

нию и наклонности самой души до тех пор, пока она держится в границах лежащего на нас долга, границах, которые вообще говоря, достаточно широки. Таким путем мы не только будем двигаться значительно быстрее и выдерживать значительно дольше, но открытия, которые мы будем делать, будут гораздо более ясными и будут производить более глубокие впечатления на нашу душу.

Душе почти всякого человека присущи своего рода капризы: иногда, не сознавая причины, она склонна останавливаться, не двигаясь дальше, и тогда никто не может ее сдвинуть ни на шаг вперед; а в иные минуты она стремительно идет вперед, и никак ее не удержишь; поэтому всегда полезно пользоваться моментами ее расположения и поддерживать ее, пока она движется непринужденно, хотя бы это и вело к нарушению правил, касающихся тела. Но нужно стараться не нарушать слишком границу; ибо тот, кто, испытывая удовольствие от учения, успокаивает себя тем, что «немного сейчас, немного завтра» не принесет вреда, что ничего плохого не получается для него от лишнего часа занятий, — незаметным образом подрывает свое здоровье; когда же болезнь вспыхнет, то редко видят причину в неправильном поведении, которое раньше ее подготовило.

Когда выбран предмет и душа, как и тело, расположены к учению, то что же остается, как не приняться за него? Это, конечно, хорошая подготовка, но, если не сделать еще кое-чего, то мы, возможно, не получим всей пользы, которая могла бы получиться.

1. Наш долг перед богом, как источником и творцом истины, который сам есть истина, наш долг перед самим собою, если мы хотим быть искренними и чистосердечными по отношению к нашей собственной душе, — поддерживать душу всегда настроенной к общению и восприятию истины, где бы мы ни столкнулись с последней и в каком бы виде она ни явилась перед нами — в ясном ли и привычном или чуждом и новом, а может быть, даже неприятном виде. Истина есть подлинный объект для души, подлинное ее богатство и комфорт, и в зависимости от размера этого богатства один человек отличается от другого, один человек ценнее другого. Тот, кто наполняет свою голову пустыми понятиями и ложными мнениями, может обладать напыщенным и по внешнему впечатлению широким умом; в действительности же его ум узок и пуст, так как все, что он охватывает, все, чем он наполнен, сводится к нулю или к отрицательной величине: ибо ложь ниже невежества и хуже, чем ничто.

Поэтому наша первая и главная обязанность заключается в том, чтобы подойти к учению и к поискам знания с душою, жадной к истине, с душой, которая стремится только к истине и беспристрастно ее принимает, какою бы презираемой и непрезентабельной она ни казалась. Это то, к чему все люди, занятые наукой, как они заявляют, стремятся, но что, как я думаю, весьма многим не удается.

Найдется ли человек, у которого не было бы мнений, которые когда-то были внушены ему воспитанием и благодаря этому сделались для него

чем-то вроде муниципальных законов, которые не могут подвергаться сомнению, а должны почтительно рассматриваться как критерии правого и неправого, истины и лжи, в то время как эти, столь неприкосновенные взгляды, может быть, были только оракулами детской комнаты или традиционными тяжеловесными наставлениями людей, которые претендуют на то, чтобы просвещать наших детей, в то время как сами восприняли эти взгляды от традиции, ни разу не исследовав их. Они являются уделом нашего детского возраста и, будучи заложены в нас с ранних лет, с течением времени крепнут и как бы превращаются в подлинную конституцию души, которая впоследствии с трудом воспринимает другую окраску.

Когда мы становимся взрослыми, мы находим мир разделенным на союзы и кружки, которые группируются не только вокруг различных направлений политики и управления, но объединяются также на почве одних только воззрений и в этом отношении, особенно в вопросах религии, будучи крепко между собою связаны и отмежевываясь от других. Если рождение или случай не приобщили молодого человека к какому-либо из этих союзов и кружков — что, впрочем, нередко имеет место, — то, выросши, он попадает в тот или другой из них, конечно, по собственному выбору: он вступает в него часто вследствие убеждения, что данная партия права, иногда же, руководствуясь тем соображением, что оставаться изолированным небезопасно и что поэтому нужно куда-либо приткнуться. И вот, каждая из этих

партий обладает известной суммой воззрений, воспринятых и усвоенных в качестве учений и догматов данного объединения, исповеданию и практике которых должен отдаться всякий, кто принадлежит к этому объединению; в противном случае он вряд ли будет рассматриваться как член группы или, в лучшем случае, будет на счету не слишком преданного сочлена или человека, рискующего впасть в ересь.

Ввиду большого различия и противоположности взглядов этих партий совершенно очевидно, что взгляды большинства из них полны лжи и заблуждений. В самом начале одних заставила поддержать эти взгляды хитрость, других — невежество; однако слепая вера или боязнь потерять вместе с партией также репутацию или выгоду (каждый из этих моментов играет роль сам по себе) редко позволяет человеку подвергнуть сомнению догматы своей партии: он получает и воспринимает их в некоторой системе, исповедует без всякой критики и, закосневая в них, ими мерит всякие иные взгляды. Мирские интересы также внушают людям те или другие взгляды, которые, соответствуя их временной выгоде, охотно ими принимаются и с течением времени так прочно оседают в их уме, что их нелегко оттуда изгнать. Таким путем, а может быть и другими, в человеческих умах оседают и закрепляются взгляды, которые, правильны ли они или неправильны, остаются там на счету основных и существенных истин и поэтому редко подвергаются теми, кто исповедует их, сомнению или анализу; когда же они оказываются ложными

как это необходимо и должно быть у большинства людей, они совершенно сбивают человека с пути на всем протяжении его образовательных занятий. Правда, занимаясь чтением и исследованиями, они тешат себя мыслью, что их желание — просветить свой разум реальным знанием истины; на деле же они только и стремятся и достигают того, что укрепляют свои ранее полученные взгляды: ибо все, что они встречают в сочинениях и открытиях других людей, они принимают или отвергают в той мере, в какой это согласуется с теми взглядами, которые раньше овладели их умом.

2. Наряду с этим основным пороком нашего изучения есть и другой порок, менее важный, в который, однако, весьма легко впасть книжному человеку; он заключается в весьма внимательном и старательном чтении авторов с целью запомнить аргументы за и против, которыми те пользуются, и в стремлении крепко удержать эти аргументы в своей памяти с тем, чтобы использовать их при случае. Если это и приводит к желанной цели (а удается оно только при очень хорошей памяти и, конечно, скорее является делом памяти, а не силы мышления), то выдвигает человека в глазах света, как очень знающего и ученого человека, но при проверке он не оказывается таковым; в самом деле, это может создать ловкого говоруна и спорщика, но не дельного человека. Это научает человека фехтовать словами, но редко или никогда не научает в непримиримой войне между истиной и ложью выбирать правильную линию и как следует защищать ее, когда его собьют

с нее. Тот, кто действительно желает быть знающим человеком, кто более предпочитает обрести истину, чем показывать ученость, кто стремится усовершенствоваться в солидном и существенном знании вещей, тот, по моему мнению, должен пойти другим путем: он должен стараться получить ясное и верное понятие о вещах, каковы они сами по себе. Если это понятие хорошо запечатлелось в уме (без нарочитой перегрузки памяти, которая часто нам изменяет), то оно всегда и естественно подскажет аргументы для каждого случая, для защиты истины или для рассеяния заблуждения. Это-то, как мне кажется, и сообщает иным человеческим рассуждениям такую ясность, очевидность и доказательность, даже если они выражены немногими словами; ибо такие рассуждения заключаются лишь в раскрытии перед нами истинной природы вещи, являющейся предметом нашего рассуждения. Способность к рассуждению настолько свойственна нашей природе, что ясные выводы, так сказать, напрашиваются сами собой. Мы обладаем как бы инстинктивным знанием истины, которая всегда наиболее приемлема для ума, и ум воспринимает ее в ее природной и нагой красоте. Кроме того, этот метод познания, поскольку он меньше подвержен опасности быть утраченным, так как не обременяет памяти, а коренится в силе мышления, заставляет человека всегда говорить связано и с уверенностью, с какой бы стороны он ни подвергался нападению и какими бы аргументами эта самая истина, пользуясь своим естественным светом и противоположно-

стью лжи, без особенных усилий и без сложной и длинной словесной дедукции, ни вскрывала слабость и абсурдность противоположных утверждений. Между тем человек, рассуждающий общими местами, со своим большим запасом заимствованных и коллекционированных аргументов, часто будет явно противоречить самому себе: ибо поскольку аргументы разных людей часто бывают основаны на различных понятиях и выводятся из противоположных принципов, то даже в тех случаях, когда они все направлены к поддержке или опровержению одного и того же мнения они тем не менее часто вступают между собой в реальное противоречие.

3. Другая вещь, весьма полезная для ясного понимания истины, заключается в том, чтобы думать о вещах в отвлечении и обособлении их от слов (если только мы в состоянии приучить себя к этому). Без сомнения, слова — это важный и почти единственный способ передачи человеком своих мыслей разуму другого; но когда человек думает, рассуждает и приводит мысли в связь про себя, я не вижу, для чего ему нужны слова. Я уверен, что лучше отложить их в сторону и иметь дело непосредственно с идеями вещей, ибо слова по своей природе настолько сомнительны и темны, их значение большей частью настолько неопределенно и неточно (качества, которые люди даже умышленно усилили при пользовании словами), что если в процессах нашего мышления наши мысли заняты словами и задерживаются на названиях предметов, то это является только лишними шансом,

что мы собьемся с правильного пути и запутаемся. Это соображение может на первый взгляд показаться ненужной тонкостью, и на практике это окажется, может быть, более трудным делом, чем можно себе представить; однако я решаюсь утверждать, что опыт подскажет любому человеку, если он захочет это проверить, что к этому стоит стремиться. Кто пожелал бы вспомнить отсутствующего друга или сохранить его в своей памяти, сделает это лучше и успешнее всего, если постарается воскресить в своей памяти его образ и будет созерцать этот образ; но вспоминать только имя друга и мыслить о звуках, при помощи которых его называли, — это весьма слабый и несовершенный метод воспоминания о нем.

4. Когда мы стремимся к знанию, нам весьма полезно не быть слишком уверенными в силе своего суждения, как и не быть слишком неуверенными в ней; нам весьма вредно думать, что мы всё в состоянии понять или что мы ничего неспособны понять. Кто не уверен в силе своего суждения относительно любой вещи и думает, что он не может положиться на собственный разум при поисках истины, обрубаёт себе ноги и, таким образом, в состоянии двигаться только с помощью других; он ставит себя в смешную зависимость от чужого знания, которое может оказаться для него совершенно бесполезным: ибо я так же не могу думать чужим умом, как не могу смотреть чужими глазами. В какой мере я что-либо знаю, в такой же мере я обладаю истиной, и я постольку прав в чем-либо, поскольку знание дей-

ствительно принадлежит мне самому; то, что знают другие люди, находится в их обладании: оно принадлежит не мне и может быть мне передано только таким способом, который сделал бы меня столь же знающим; это — сокровище, которое не может быть ни отдано взаймы, ни передано совсем. С другой же стороны, тот, кто думает, что его разум может охватить все, летает на крыльях своей собственной фантазии, хотя природа и не думала снабдить его реальными крыльями; и пускаясь, таким образом, в обширные пространства непостижимых истин, он лишь подтверждает басню об Икаре и бросается в пропасть. В данном отношении мы обладаем средними возможностями, очень хорошо приспособленными для некоторых целей, но очень малосоизмеримыми с обширным и безграничным протяжением вещей.

5. Поэтому нам может оказать большую помощь знание того, как далеко простираются наши способности, — ибо с этим знанием мы не станем гнаться за фантомом, который находится вне пределов нашей достигаемости, — знание того, какие вещи являются настоящими объектами наших исследований и нашего разума и где мы должны остановиться и не идти дальше ввиду опасности заблудиться или потерять напрасно свой труд. Это, пожалуй, труднейшая проблема, которая только может нам встретиться на пути к знанию и разрешение которой под силу человеку лишь в конце учения, но не может быть предложено тому, кто только принимается за учение; ибо это собственно является

возможным результатом длительного и усердного исследования, направленного к тому, чтобы установить, что познаваемо и что непознаваемо, но не таким вопросом, который мог бы быть разрешен путем догадок человеком, едва познакомившимся с очевидными истинами. Поэтому я сейчас откладываю изложение мыслей, которые у меня имеются по этому предмету и которые должны быть зрело обсуждены; при этом следует всегда помнить, что бесконечные вещи выходят за пределы нашего понимания; мы не можем иметь о них никакого содержательного знания, и когда наша мысль с излишним любопытством пытается проникнуть в них, она лишь теряется и путается. Сущность субстанциальных вещей также выше нашего понимания, равно как за пределами нашего разума лежит, по моему мнению, тот способ, каким природа вызывает различные явления в этой великой машине мира или продолжает существование видов вещей в процессе последовательных рождений и т. п. Что, как мне кажется, соответствует цели человека и находится на уровне его разума, — это усовершенствование естественных экспериментов ради удобств этой жизни и методов упорядочивания своей личности ради достижения счастья в другой жизни, т. е. моральная философия, которая в моем понимании обнимает также религию, или всю сферу человеческого долга.

6. Для того чтобы сократить наши труды и предохранить себя от неисчислимого сомнения, от путаницы мысли и бесконечной погони за большей достоверностью по сравнению с той,

которую мы можем иметь, весьма полезно в различных вопросах, которые предстоит познать и изучить, соорудить, какие доказательства может дать материал, которым мы уже располагаем, и не дожидаться иного рода доказательств, чем те, которые дает природа вещи.

7. Мы получим большое подспорье для памяти и средство избежать путаницы в наших мыслях, если составим и будем часто иметь перед собою схему наук, которыми мы занимаемся — так сказать карту постижимого мира (*mundus intelligibilis*). Ее, пожалуй, лучше всего каждому составить самому для личного пользования, так как, в этом случае она будет наиболее понятна для него, хотя, чем ближе такая схема будет подходить к природе и порядку вещей, тем будет лучше. Впрочем, мне не подобало бы думать, что моя грубая схема пригодна для того, чтобы руководить мыслями другого; особенно если наши учебные занятия идут в различных направлениях. Но, во всяком случае, я должен признать, что, хотя я часто менял предмет своего изучения и читал книги беспорядочно и случайно, как они попадались мне на моем пути, не соблюдая ни метода, ни порядка в своих занятиях, однако, изредка размышляя о порядке вещей, каков он есть или каким он, по крайней мере, рисовался моему воображению, я избегал путаницы в моих мыслях. Я достиг того, что эта схема служила мне чем-то вроде комода, чтобы располагать в порядке и на надлежащих местах те вещи, которые попадались мне разрозненно и вне какого-либо метода.

8. Вообще же не мешает, в интересах наших учебных занятий, изредка изучать самих себя, т. е. свои способности и дефекты. Почти каждому человеку присущи свои духовные дарования и природные способности, как и свои дефекты и слабости. Если мы обратим на них внимание и изучим их, нам не только легче будет найти средство для исправления своих слабостей, но мы будем также лучше знать, как обратиться к тем вещам, для которых мы лучше всего подходим, и так приспособляться в ходе наших занятий, чтобы мы могли извлечь из них наибольшую пользу. Тот, кто получил в руки молот и клин, может легко решить, что он приспособлен к тому, чтобы раскалывать кряжистые куски, а получивший рубанок и резальный инструмент — подумать, что он призван вырезать красивую фигуру.

Я хочу еще только сказать, что книжные занятия не играют, по моему мнению, основной роли в учении, хотя от них оно получило свое название. К ним следует присоединить еще два способа, из которых каждый играет известную роль в усовершенствовании нашего знания, а именно — размышление и беседу. Чтение, по моему мнению, является лишь собиранием сырого материала, значительная часть которого должна быть отброшена в сторону, как бесполезная. Размышление — это, так сказать, отбор и приспособление материала: обработка дерева, обделка и укладка камней и возведение здания, а беседа с другом (спор в форме диспута — малополезная вещь) является, так сказать, ос-

мотром здания, обходом комнат, проверкой симметрии и согласованности частей, оценкой солидности и недостатков работы и наилучшим способом вскрыть недостатки и исправить их; кроме того, беседа часто в такой же мере, как и любой из двух других методов, помогает открывать истину и фиксировать ее в нашем уме.

Пора кончать этот длинный, чрезмерно растянувшийся очерк. В заключение я хочу лишь сказать еще следующее. Историю я в самом начале исключил из предметов нашего изучения, как нечто бесполезное, что, собственно говоря, правильно, если речь идет о том, чтобы читать ее как сказку. Теперь же я всякому, кто хорошо укрепил свою душу в принципах морали и знает, как нужно судить о человеческих поступках, буду рекомендовать ее, как одну из наиболее полезных наук, какими только он может заняться. В истории он увидит картину мира и природу человеческого рода и, таким образом, научится мыслить о людях, каковы они суть в действительности. Здесь он увидит, как зарождались те или другие мнения, и убедится, какие ничтожные, а иногда и постыдные обстоятельства их порождали, хотя впоследствии они приобретали большой авторитет, становились для людей почти священными и вытесняли все те мнения, которые существовали прежде. В истории каждый может получить великие и полезные наставления мудрости, и она же предупредит его о плутнях и мошенничестве людей и, кроме того, принесет ему еще много других выгод, которых я не буду здесь перечислять.